

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'25

А. В. Ачкасов

ЖАНРОВЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Наиболее существенное влияние на изучение жанровых вопросов перевода оказала системная функциональная лингвистика. Теоретические исследования Б. Хейтима и Я. Мейсона (1990) и Д. Хаус (1997) основаны на модели речевой вариативности М. К. А. Хэллдея и Д. Мартина, устанавливающей связь между лингвистическим, ситуационным и социокультурным контекстами. Оба исследования имеют общую функционально-лингвистическую основу и включают жанр как категорию верхнего семиотического уровня, однако реализуют разные подходы к анализу жанровых аспектов перевода. Б. Хейтим и Я. Мейсон идут от анализа конкретных языковых средств, связывая их с жанровыми характеристиками текста. Их внимание сосредоточено на «жанровых ограничениях» и «жанровых конвенциях», определяющих выбор переводческой стратегии, а также на изменении жанрового статуса текста при переводе. Д. Хаус предлагает способ анализа от общего к частному и идет от формулировки жанровой принадлежности текста к анализу его регистровой «конфигурации» и конкретных языковых средств реализации регистра. В ее концепции жанр является единственной константой эквивалентности, ограничивающей переводы от «версий», в то время как внимание Б. Хейтима и Я. Мейсона сосредоточено на различии жанровых статусов оригинала и перевода. Столь разные, противоположные с точки зрения процедур анализа подходы имеют общую характеристику. В основе определения статуса «жанровых смещений» и жанровой эквивалентности оригинального и переводного текстов в этих исследованиях лежат интуитивные представления исследователей о жанровой принадлежности текста. В рамках такого подхода любая переводческая трансформация микро- или макроуровня может быть интерпретирована в терминах жанровых ограничений или конвенций, а любая модификация жанра при переводе — в терминах отдельных лексических, грамматических, прагматических и т. д. преобразований. Одно из наиболее продуктивных направлений изучения жанровых вопросов перевода состоит в привлечении теоретических и эмпирических методов системного кросс-культурного анализа жанров и жанровых систем. В зависимости от целей исследования переводоведение может опираться на разные методологические модели изучения жанра, включая контрастный анализ жанровых систем, родовидовых жанровых связей, анализ структуры и средств речевой реализации отдельных отраслевых или дисциплинарных жанров. Библиогр. 40 назв.

Ключевые слова: жанр, перевод, системная функциональная лингвистика, жанровые конвенции, жанровые ограничения, жанровая эквивалентность.

GENRE ISSUES IN TRANSLATION STUDIES

A. V. Achkasov

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Genre issues have been addressed in Translation Studies prevalently within the framework of systemic functional linguistics. Theoretical research by B. Hatim and I. Mason (1990) and J. House (1997) are

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

based on the model of speech variation as presented in M. A. K. Halliday and J. Martin, building a link between linguistic, situational and social contexts. Both research have functional linguistic basis and include genre as a higher-level semiotic category. However, similar theoretical treatment of genre results in opposite approaches to the analysis of particular examples. B. Hatim and I. Mason analyze particular features of micro-context as means of genre realization in terms of genre constraints and conventions. J. House provides a 'holistic' top-down description of the entire texts, identifying genre membership a starting point of analysis. Genre is the only constant of equivalence in J. House's model, while B. Hatim and I. Mason focus on shifting to alternative genres in translation. The opposite procedural approaches to the analysis have a common feature. The identification of generic constraints and genre equivalence in both research is based on the authors' intuitions about genre membership of particular texts. Therefore within both approaches, on the one hand, no element of recurrent language use may be undoubtedly assigned to have generic nature; on the other hand, any particular cross-linguistic contrast may be interpreted as an element of cross-linguistic genre realization or an element of genre remolding. The study of genre issues in Translation Studies should be embedded in the broader context of theoretical and empirical methods of systemic cross-cultural analysis of genres and genre systems. Depending on the focus of analysis, Translation Studies may approach genre within the frameworks of contrastive analysis of genres systems, hierarchical relation of genres and the methods of empirical study of generic structures and recurrent linguistic choices. Refs 40.

Keywords: genre, translation, systemic functional linguistics, genre conventions, generic constraints, genre equivalence.

Проблема «жанр и перевод» ставилась неоднократно. Исторически ее изучение связано с вопросами художественного перевода и, прежде всего, с такими явлениями, как заимствование, «модификация» и (ре)адаптация традиционных жанров в процессе литературных и культурных контактов, межъязыковом и внутриязыковом переводе литературных источников, удаленных во времени. Обобщение исследований в этой области осуществлялось в рамках отдельных статей [Bassnett], в энциклопедических обзорах, посвященных жанровым проблемам литературного перевода в целом [Rose], отдельным литературным жанрам [Anderman], сакральным текстам [Serban]. Указанное направление тесно смыкается с сопоставительным литературоведением и кросс-культурными исследованиями [Coldiron]. Следует хотя бы кратко упомянуть, что существует практика концептуализации перевода как «особого жанра». Эта мысль была впервые сформулирована К. Джеймсом [James] и в дальнейшем получила развитие, в частности, в работах Б. Хейтима [Hatim, 2013, p. 155–156]. Сама возможность существования псевдопереводов и имитаций свидетельствует о том, что переводной текст обладает особыми характеристиками, существует как «жанр внутри жанра»: «...должно быть в переводах как таковых нечто, что определенным образом влияет на читателя, нечто в языке, который используют переводчики, что имеет отношение к “ощущению” текстуры (*textural 'feel'*) перевода и создает впечатление “отдаленности родства” [оригинала и перевода] и что характеризует все переводы» [Там же]. В такой постановке вопроса речь фактически идет о специфике языка переводных текстов как их имманентном свойстве. Указанный подход концептуализации перевода не сложился в какое-либо отдельное направление исследований.

Собственно переводоведческие подходы к изучению проблемы «жанр и перевод» начали оформляться с расширением границ строго лингвистической теории перевода, что было связано с «попытками концептуализации языка как инструмента коммуникации» и осознанием того, что «язык не может быть отделен от ситуативного и культурного контекста, которым он формируется» [Saldanha, p. 149]. Наиболее значительным теоретическим вкладом в изучение проблемы «жанр и пе-

ревод» стала теория текстовых жанров (*Textsoxtentheorie*) К. Райс [Reiss], согласно которой типы текста (*Texttyp*), репрезентирующие основные коммуникативные функции текста, и текстовые жанры (*Textsorte*), связывающие конвенционально закрепленные языковые и речевые характеристики текста с типичными коммуникативными ситуациями, в значительной степени определяют способы перевода. Теория текстовых жанров вошла в качестве составной части в общую теорию перевода К. Райс и Г. Фермеера [Reiss, Vermeer], однако, как неоднократно отмечалось, она носит в целом нормативный характер, ограничена указанием на признаки жанра, не раскрывая его сущности [Shveiser, p. 32], в целом плохо согласуется с теорией скопоса Г. Фермеера (см., напр.: [Nord]).

Вопросы, имеющие отношение к проблеме «жанр и перевод», ставились в работах Ю. Хольц-Мянттари [Holz-Mänttari] и Г. Хениг [Hönig], а также в статьях А. Тросборг, К. Норд, Д. Сейгера, П. Куссмауль, В. Бхатиа и др. авторов, собранных в коллективной монографии «Типология текстов и перевод» [Text Typology...]. Отдельно следует упомянуть нарратологическую концепцию перевода М. Бейкер [Baker], созданную под влиянием исследований американского психолога Д. Брунера, посвященных нарративу как инструменту конструирования реальности [Bruner]. М. Бейкер характеризует нарратив как «базовый и неотъемлемый способ, определяющий наш опыт о мире». Нарратив представлен повествованиями (*stories*), которые «мы конструируем... в ходе осмысления реальности (*making sense of reality*) и которые обуславливают наше поведение и наше взаимодействие с другими» [Baker, p. 144]. В русле этого подхода М. Бейкер определяет жанр как «конвенциональные виды нарратива, которые задают структурные формы повествования. <...> Отнесение нарратива к определенному жанру наделяет опыт нарратива когерентностью, когезией, ощущением отграниченности и позволяет идентифицировать нарратив как частный случай узнаваемой коммуникативной практики» [Baker, p. 143].

Наиболее существенное влияние на теоретические и прикладные подходы к анализу жанровых проблем перевода оказала системная функциональная лингвистика. В переводоведческих исследованиях этого направления принята регистровая модель речевой вариативности М. А. К. Хэллiday, включающая категории поля, модуса и тональности¹ (*field, mode and tenor*), впоследствии дополненная категорией жанра. Если регистровые характеристики определяются непосредственным «ситуативным контекстом», в котором осуществляется речевая деятельность, то жанровая принадлежность текста обусловлена социокультурным контекстом, набором типичных ситуаций, с которыми субъекты коммуникации ассоциируют различные типы текстов. В структурном отношении жанр представляет собой потенциально бесконечное количество текстов, создаваемых в типичных коммуникативных ситуациях, и может быть определен как «потенциал жанровой структуры» (*“generic structure potential”*) [Halliday, Hasan, p. 63–69]. Со стороны речепроизводства жанр определяется как «поэтапная целеориентированная и целенаправленная деятельность» [Martin, p. 25], в которой автор текста предстает как член определенной культуры. В наиболее радикальной и широко известной формулировке

¹ Существуют разные варианты перевода категорий регистра на русский язык: тема, способ, участники; поле, формат, тональность; тематика общения, цель и условия коммуникации, социально-ролевые отношения участников коммуникативного акта и т. д.

Д. Мартина жанры — это то, «как мы действуем, когда используем язык для достижения целей» [Martin, p.250]. Речевой «проекцией» жанра является комбинация регистровых характеристик, которая, в свою очередь, реализуется типичными для регистров языковыми средствами.

Прямые и косвенные отсылки к описанной модели контекста или к ее модифицированным вариантам характерны практически для всех функционально-ориентированных исследований в области переводоведения (см. обзор М. Манфреди [Manfredi]). Функционально-лингвистическая модель контекста широко используется, в частности, в методике преподавания перевода. Это направление прикладных исследований напрямую связано с методическими подходами к формированию языковых компетенций сиднейской школы системной функциональной лингвистики и сосредоточено не на понятиях жанра и жанровости, а на изучении отдельных отраслевых или дисциплинарных жанров. Наиболее полное теоретическое обоснование этот подход получил в рамках корпусного проекта «Текстовые жанры для перевода» (*The Genre, Textual Genres for Translation*), где жанр рассматривается как «интегрирующее понятие» переводоведения [Ordóñez-López]. В самом общем виде функционально-лингвистическая методика преподавания перевода нацелена на выработку практических способов формирования у обучающихся «жанровых компетенций» (*genre competences*) и «жанровой осведомленности» (*genre awareness*). Переводной текст должен быть «встроен» в новый социокультурный контекст, поэтому при переводе необходимо учитывать характеристики жанровой системы и жанровых норм принимающего языка. В связи с этим в серии “*Thinking Translation*” появился обязательный раздел, посвященный проблеме «жанр и перевод» [Hervey, Loughridge, Higgins].

В области теоретического переводоведения функционально-лингвистическая модель контекста, включая ее жанровый компонент, положена в основу исследований Б. Хейтима и Я. Мейсона [Hatim, Mason] и Д. Хаус [House, 1997], которые заслуживают более пристального внимания.

Основой концепции Б. Хейтима и Я. Мейсона стала расширенная функционально-стилистическая модель речевой вариативности. В структурном плане она представляет собой трехчастную модель контекста, включающую коммуникативное, прагматическое и семиотическое «измерения» (*dimensions*). Коммуникативное «измерение» фактически совпадает с регистровой моделью речевой вариативности М. А. К. Хэллдея. Прагматическое «измерение» включает речевые акты, имплицатуры, пресуппозиции и текстовые акты (“text acts”). Категория жанра, наряду с категориями дискурса и текста, входит в последнее, семиотическое «измерение».

Жанр как социосемиотическая категория верхнего уровня является связующим звеном между моделью контекста и «социальным событием» (*social occasion*) и определяется в соответствии с традицией функциональной лингвистики как «конвенционально обусловленные формы текста, которые отражают функции и цели конкретных социальных событий и цели их участников» [Hatim, Mason, p. 69]. По мысли Б. Хейтима и Я. Мейсона, семиотическое «измерение» актуализируется на уровне социокультурного контекста, позволяет интерпретировать «коммуникативные единицы» и «прагматические значения» как макро-знаки в системе социальных и культурных конвенций. [Hatim, Mason, p. 59]. В речевом плане жанр реализуется типичными для него языковыми средствами, которые не имеют

жесткой жанровой прикреплённости. Б. Хейтим и Я. Мейсон отмечают, что «не существует прямой одно-однозначной связи между элементами лексики, грамматики и т. д. и социальными ситуациями, ассоциирующимися с конкретным жанром» [Hatim, Mason, p. 140]. Тем не менее на уровне речевых практик жанры ассоциируются с типичными «текстовыми форматами» и жанровыми структурами, которые могут быть описаны как наборы или комбинации языковых, риторических, прагматических и т. д. элементов [Hatim, Mason, p. 140].

В исследовании нет примеров системного описания конкретных жанров и средств их языковой реализации. Б. Хейтим и Я. Мейсон оперируют понятиями жанровых ограничений (*generic constraints*) и жанровых конвенций, или норм (*generic conventions*), определяющих стратегию перевода. Эти понятия в исследовании не дефинированы, их смысл разъясняется в ходе анализа способов перевода конкретных речевых коррелятов жанра — культурно-коннотированных компонентов («культурных знаков»), тема-рематических текстовых структур, принципов текстовой композиции и т. д.

Так, например, жанровые конвенции литературных и новостных текстов определяют различия в способах перевода культурно-коннотированных компонентов («культурных знаков»), таких как формулы вежливости, наименования социальных и религиозных статусов, реалии. Если художественный перевод предполагает их сохранение, независимо от того, насколько они «экзотичны» для целевой аудитории, то в новостных текстах «культурные знаки» регулярно опускаются или нейтрализуются. Вопрос о передаче «культурных знаков» при переводе связан и с различиями жанровых конвенций в разных языках. Так, для жанра официальной новости, типичного для арабского языка, характерно употребление развернутых наименований должностных и религиозных титулов, официальных обращений и социально значимых формул, служащих маркерами социальных статусов (например: “...*in order to greet His Highness and enquire about his health...*” — «...для того, чтобы приветствовать Его Высочество и узнать о его здоровье»). При переводе на английский язык эти жанровые маркеры не передаются, так как не соответствуют жанровым нормам новостных текстов принимающего языка [Hatim, Mason, p. 68–70].

Приведенные комментарии имеют нормативный характер и не укладываются в существующие практики литературного и новостного перевода, которые допускают достаточно гибкие и разнообразные способы передачи культурно-коннотированных элементов. В новостном переводе сложно отграничить влияние жанровых конвенций от идеологических и технологических факторов, определяющих конечный облик целевого текста [Schäffner]. Более того, далеко не всегда очевидна связь культурно-коннотированных элементов с нормами конкретного жанра («жанровыми конвенциями»), так как маркеры социальных статусов могут быть кросс-жанровой характеристикой и характеризовать целую группу новостных или информационных жанров (передовица, интервью, репортаж). Не прояснен в исследовании и вопрос о том, насколько опущение указанных компонентов при переводе связано с «жанровыми ограничениями», накладываемыми конкретным жанром принимающего языка, и не свидетельствует ли такое опущение о контрастах на уровне кросс-жанровых функционально-стилистических норм.

Анализ примеров в исследовании Б. Хейтима и Я. Мейсона осуществляется преимущественно путем указания на связь отдельных элементов текста с кон-

кретными жанрами, без учета характеристик жанровой структуры в целом и системного описания элементов ее речевой реализации. Так, например, Б.Хейтим и Я.Мейсон отмечают, что тема-рематические контраргументативные структуры не выполняют собственно функцию аргументации в рамках жанра дискуссионной новости (*'the scoop'*), коммуникативная задача которой состоит в привлечении внимания к событию [Hatim, Mason, p. 221]. Авторы ограничиваются указанием на самые общие жанровые характеристики дискуссионной новости (изложение фактов и их оценка), которые отличают ее от передовицы и «простой новости» (*"mere news reporting"*). На примере анализа перевода конкретной дискуссионной новости в исследовании показано, что при переводе осуществлена жанровая трансформация, дискуссионная новость превратилась в передовицу, в которой контраргументативные структуры выполняют уже свойственную им функцию. Ход мысли авторов в целом ясен: одна и та же аргументативная структура выполняет разные функции в двух разных новостных жанрах. Речевой механизм жанрового смещения при этом остается нераскрытым. Авторы лишь отмечают, что в переводе использованы лексические единицы, эксплицирующие и усиливающие оценочность текста, и что в распоряжении переводчика были нейтральные эквиваленты [Ibid.]. Из этого следует, что функция аргументативных структур в двух жанрах обусловлена степенью экспликации оценочных характеристик текста. Учитывая, что дискуссионная новость предполагает «изложение и оценку фактов», механизм жанровой деформации требует, как минимум, дополнительных пояснений.

В рамках такого подхода любая переводческая трансформация микро- или макроуровня может быть интерпретирована в терминах жанровых ограничений или конвенций, а любая модификация жанра при переводе — в терминах отдельных лексических, грамматических, прагматических и т. д. преобразований. В более поздних исследованиях Б.Хейтим ввел понятие «жанрового смещения» (*genre shift*), которое охватывает как результат неверной интерпретации жанровых характеристик исходного текста, так и мотивированный или немотивированный «переход» к альтернативному жанру при переводе. Методологический принцип анализа конкретных примеров, однако, остался прежним. Так, Б.Хейтим приводит перечень типичных ошибок в переводах новостных текстов: “It is worth mentioning (when the news item in question is least noteworthy); On the other hand (when no ‘contrast’ is stated or implied, and something like meanwhile should have been used); In parallel (when ‘also’ is intended)”. По его мнению, «беглый взгляд на примеры переводов новостных текстов на английский язык показывает, что причина многочисленных ошибок состоит прежде всего в недостаточной осведомленности о жанровых характеристиках текста (*genre awareness*), а не в грамматической или лексической некомпетентности переводчика» [Hatim, Munday, p. 89]. В работе не разъясняется, почему приведенный перечень речевых ошибок связан именно с жанровыми характеристиками новостных текстов.

Основу описанного методологического подхода к анализу конкретных примеров (от указания на конкретную переводческую ошибку или трансформацию к обобщению на уровне жанровых конвенций, ограничений или смещений) составляют интуитивные представления исследователя о жанровой прикреплённости конкретных языковых средств. Характер связи между лексическими, грамматическими, прагматическими, композиционными и т. д. элементами, с одной стороны,

и жанровыми характеристиками текста — с другой, Б.Хейтим и Я.Мейсон определяют через категорию «сообразности» (*appropriateness*) — «соответствия языковых характеристик контексту» [Hatim, Mason, p.239]. Жанровые характеристики мы воспринимаем «как соответствующие (*appropriate*) конкретному социальному событию» [Ibid., p.140], а конкретные лингвистические характеристики — как соответствующие или несоответствующие (*appropriate or inappropriate*) конкретному жанру [Ibid., p.70, 167, 198, 221]. В исследовании Б.Хейтима и Я.Мейсона указанный подход оправдан тем, что анализ собственно жанровых аспектов перевода не является его основной задачей. Усилия авторов в значительной степени направлены на разъяснение компонентов модели контекста, характера их взаимосвязи и взаимодействия. Композиционно исследование представляет собой серию примеров, иллюстрирующих влияние разных аспектов контекста на перевод. В связи с этим А.Пим иронично отметил: авторам «так много нужно сказать о дискурсе и связанных с ним терминах, что слово “переводчик” в названии их работы стало простым поводом для теоретических рассуждений, которые могли быть спровоцированы любым художественным или политическим текстом...» [Pym, p.228].

Принципиально иной подход к изучению жанровых вопросов перевода реализован в модели оценки качества перевода Д.Хаус [House]. Это исследование хорошо известно и неоднократно само становилось предметом анализа (см., например, обзоры Д.Мандея [Munday, p.91–94] и Б.Хейтима [Hatim, 2009, p.41–43]). В самом общем виде концепция Д.Хаус представляет собой регистровую модель контекста, охватывающую языковые и ситуационные (коммуникативные и прагматические) аспекты функционирования текста и предполагает оценку «относительного совпадения» оригинального и переводного текстов с учетом указанных параметров.

Существует две версии модели Д.Хаус — «оригинальная» [House, 1977] и «пересмотренная» (“*revisited*”) [House, 1997]. Для темы данной статьи основной интерес представляет вторая, «пересмотренная» версия, так как ее принципиально новым компонентом стала категория жанра, позволяющая объяснить выбор регистровой «конфигурации» конкретных текстов их коммуникативными функциями. Именно категория жанра определяет ход модификации оригинальной модели [House, 1997, p.105–107].

«Пересмотренная» модель контекста представляет собой иерархическую систему семиотических уровней «жанр — регистр — язык/текст» (*genre — register — language/text*), которые связаны в модели Д.Хаус как планы выражения и содержания: жанр является планом содержания регистра, регистр является одновременно планом выражения жанра и планом содержания языка, язык/текст является планом выражения регистра. [House, 1997, p.106]. Четвертым компонентом модели является «индивидуальная текстовая функция» (*individual textual function*), которая репрезентирует жанр. Категория жанра «связывает регистр, который реализует жанр, и индивидуальную функцию текста» [House, 1997, p.107].

Модернизация оригинальной концепции коснулась и категории регистра. Если в первой версии модели Д.Хаус была адаптирована регистровая модель Д.Кристала и Д.Дейви [Crystal, Davy], которая не включала категорию жанра, то регистровая модель «пересмотренной» версии, по выражению Д.Мандея, является «открыто хэллидеевской». Д.Хаус действительно адаптирует «классическую» модель регистра М.А.К.Хэллидея и Д.Мартина, которая включает три «ситуативные

переменные» (*field, tenor, mode*), дополненные категорией жанра [Halliday, Martin]. Фактически Д. Хаус дает упрощенный краткий пересказ классической регистровой модели анализа текста, однако смещает акцент на жанр, как семиотическую категорию «более высокого порядка»: «Способ лингвистически-текстового анализа, который позволяет соотнести языковые характеристики конкретного текста с категориями регистра (*field, tenor, mode*), а также способ, который позволяет вывести «формулировку» (*statement*) функции индивидуального текста <...> из анализа регистровых характеристик, остались теми же, что и в оригинальной модели. Изменения и дополнения выразились в том, что в модель введена категория жанра, занимающая место “между” регистровыми характеристиками и функцией текста...» [House, 1997, p. 110].

В рамках описанной модели Д. Хаус определяет жанр как «социально обусловленную категорию, характеризующуюся событием, которым обусловлено использование текста, его источником и коммуникативной целью или любой комбинацией указанных параметров» [House, 1997, p. 107]. Приведенная дефиниция содержит все базовые признаки функционально-лингвистической интерпретации категории жанра. Подобно тому, как функционально-регистровая модель была в свое время дополнена семиотической категорией жанра, Д. Хаус дополняет категорией жанра свою оригинальную модель оценки качества перевода.

На уровне описания категориального аппарата анализа Д. Хаус кратко разъясняет роль категории жанра в оценке качества перевода: оригинальный и переводной тексты «связаны с “определенными общими знаниями” о природе других текстов этого же типа, то есть с понятием “жанра”» [House, 1997, с. 106]. В одном из последних исследований Д. Хаус поясняет характер этой связи: в то время как «описание регистра сводится в основном к фиксации особенностей поверхностных языковых структур» или к системному описанию микроконтекста, категория жанра связывает конкретные тексты с классами текстов, имеющими общие коммуникативные цели и функции, с «макроконтекстом языкового и культурного сообщества, в который эти тексты встроены» и который они обслуживают [House, 2014, p. 64].

Введение категории жанра в модель оценки качества перевода потребовало переоценки категории эквивалентности, связанной в концепции Д. Хаус с дихотомической парой понятий «открытого» перевода (*overt translation*) и «скрытого», или адаптирующего, перевода (*covert translation*). «Открытый» перевод предполагает, что целевая аудитория не является прямым адресатом переводного текста, поэтому он имеет явные признаки перевода и не претендует на роль «второго оригинала». Тексты, которые требуют «открытого» перевода, «особым образом связаны с языком и культурой сообщества языка оригинала» [House, 1997, p. 66]. «Скрытый» перевод имеет в целевой культуре статус оригинала, он «не отмечен прагматически как переводной текст» [House, 1997, p. 69]. Тексты, которые требуют «скрытого перевода», не предназначены целевой аудитории конкретного языкового и культурного сообщества: «Оригинальный текст и его скрытый перевод имеют эквивалентное назначение (*equivalent purposes*), они основаны на совпадающих во времени общих потребностях сопоставимых целевых аудиторий» [House, 1997, p. 69]. В пересмотренной модели для уточнения различия между открытым и скрытым переводом Д. Хаус вводит понятия первичной и вторичной функций текста (*primary/secondary level functions*). Скрытый перевод предполагает необходимость воссоздания эк-

вивалентного речевого события, что позволяет органично встроить переводной текст в новый культурный фрейм. Коммуникативная функция переводного текста в этом случае не отличается от коммуникативной функции оригинального текста (функция первого уровня). Открытый перевод, напротив, может выполнять только функцию второго уровня, так как он связан с новым речевым событием, не может быть незаметно «встроен» в новый культурный фрейм и неизбежно отсылает к исходному культурному фрейму.

Два типа перевода предполагают достижение эквивалентности на разных уровнях предложенной Д. Хаус модели. Скрытый перевод должен быть эквивалентен на уровнях первичной текстовой функции и жанра, но не на уровнях регистра и реализующих его языковых структур. Открытый перевод предполагает эквивалентность на всех уровнях модели, за исключением текстовой функции первого уровня, так как может выполнять только «отсылающую» функцию второго уровня. Таким образом, жанр оказывается единственной константой эквивалентности для разных типов перевода. В случае если в принимающей культуре нет эквивалентного жанра, перевод как таковой невозможен, а переводной текст может существовать только как открытая или скрытая «версия» (*version*).

Категория жанра имеет в контексте модели Д. Хаус уникальный статус и одновременно вскрывает ее внутреннюю противоречивость. Эквивалентность на уровне жанра является обязательным условием осуществления перевода, однако Д. Хаус не поясняет, как именно, какими средствами она должна достигаться. Исходя из общей структуры модели и характера связи между ее уровнями, жаровая эквивалентность должна обеспечиваться на уровне регистровой эквивалентности, так как именно комбинация регистровых характеристик является «планом выражения» жанра. Однако жанровая эквивалентность, как следует из концепции Д. Хаус, не зависит от эквивалентности оригинала и перевода на других уровнях модели, в том числе и от эквивалентности на уровне регистра. То есть можно предположить, что эквивалентный жанр на языке перевода может быть реализован альтернативной комбинацией регистровых характеристик.

Это противоречие обусловлено тем, что категория жанра в том виде, в котором ее принимает Д. Хаус, является не столько собственно лингвистической, сколько социально-семиотической. Из концепции Д. Хаус следует, что «жанровая эквивалентность» является предпосылкой возможности перевода как такового и обеспечивается «допереводным» наличием в оригинальной и принимающей культурах эквивалентных социальных событий и коммуникативных ситуаций, которыми обусловлено использование того или иного конвенционально закрепленного типа текста, а в структурном плане — общностью потенциалов жанровых структур. Если последовательно развивать этот тезис, то процедура установления «жанровой эквивалентности» потребует включения в модель анализа перевода раздела, предполагающего контрастивный анализ жанровых (под)систем оригинальной и принимающей культур, как на уровне жанровых границ, так и на уровне жанровых структур.

Универсальный характер жанровой эквивалентности в модели Д. Хаус позволяет ожидать, что при анализе конкретных примеров формулировка жанровой принадлежности оригинального и переводного текста должна быть общей. Этого принципа Д. Хаус придерживается не в полном объеме, расширяя или сужая набор жанровых характеристик в зависимости от уровня анализа. Так, например,

она определяет жанр научной исторической статьи (*D. Goldhagen. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*) как «научный текст, предлагающий провокационную гипотезу и переосмысливающий причины исторических событий» [House, 1997, p. 151]. На этапе сопоставления оригинала и перевода Д. Хаус повторяет эту формулировку, уточняя, что статья «характеризуется сильным эмоциональным посылом (*emotional appeal*)» [House, 1997, p. 155]. Жанр переводного текста, с точки зрения Д. Хаус, совпадает с жанром оригинального текста, хотя и реализован иначе: в переводе «позиция автора и риторические стратегии существенно смягчены» [House, 1997, p. 155]. Указанные изменения в реализации жанра обусловлены существенными модификациями текста на уровне регистра. Значительная часть ключевых для оригинального текста понятий и терминов в переводе опущена, что сделало позицию автора статьи менее вовлеченной, нивелировало «провокативность и эмоциональность текста». В переводе не переданы «интенсификаторы, превосходная степень сравнений... эмоционально окрашенная лексика» и т. д., что «систематически изменяет интеллектуальное, эмоциональное и этическое отношение автора к содержанию статьи». Д. Хаус подытоживает анализ следующим образом: «Все указанные изменения существенно влияют на реализацию жанра: перевод представляет собой скорее серьезный научный документ, чем провокационный текст, апеллирующий к умам и сердцам читателей» [House, 1997, p. 155]. Тем не менее сама жанровая принадлежность текста, по мнению Д. Хаус, остается прежней. В связи с этим возникает вопрос: каким образом установлена жанровая эквивалентность «серьезного научного документа» и «провокационного текста»? Критерии, определяющие жанровую принадлежность двух текстов, остаются за рамками исследования Д. Хаус; не проясняется и вопрос о том, могут ли изменения на уровне регистра в принципе повлиять на жанровые характеристики текста. В конечном счете неясно, с какой целью Д. Хаус характеризует отдельно жанр оригинала и перевода, если жанр двух текстов идентичен.

Оба проанализированных исследования имеют общую функционально-лингвистическую основу, однако реализуют разные подходы к анализу жанровых аспектов перевода. Б. Хейтим и Я. Мейсон идут от анализа конкретных языковых средств, связывая их с жанровыми характеристиками текста. Их внимание сосредоточено на «жанровых ограничениях», определяющих выбор переводческой стратегии, и на жанровых смещениях, которые могут быть результатом как осознанной «реконтекстуализации жанра» (термин В. Бхатиа [Bhatia, p. 198]), так и банальной некомпетентности переводчика. В концепции Д. Хаус жанр, напротив, является единственной неизменной константой эквивалентности, отграничивающей переводы от «версий». Она предлагает «холистический» анализ текста и идет от формулировки жанровой принадлежности текста к анализу его регистровой «конфигурации».

Столь разные, противоположные с точки зрения процедур анализа, подходы имеют принципиальную общую характеристику. В основе определения статуса «жанровых смещений» и жанровой эквивалентности оригинального и переводного текстов лежат интуитивные представления исследователей о жанровой принадлежности текста. В работе Б. Хейтима и Я. Мейсона, как уже упоминалось выше, это категория «сообразности» или «соответствия» (*appropriateness*). Д. Хаус, подытоживая теоретическую часть работы, отмечает, что использует категорию жанра в «повседневном смысле» (*everyday sense*): категория жанра является социально-

обусловленной и донаучной «в том смысле, что ее параметры не могут быть определены строго научно»; представление о жанре может быть сформировано только в «повседневной практике конкретных лингвокультур» [House, 1997, p.159] (см. также: [House, 2014, p. 70]). Фактически Д. Хаус формулирует принцип «сообразности», в основе которого лежат сформированные социальной и речевой практикой интуитивные представления о типичных тестовых формах и средствах их языковой реализации. В результате оба подхода допускают возможность произвольной трактовки жанрового статуса средств речевой реализации.

Приведу два примера. С. Магальяеш отмечает, что при переводе научных новостей из газеты «Нью-Йорк Таймс» на португальский язык существует устойчивая практика «нормализации жанра» [Magalhães, p. 18]. Англоязычные новости характеризуются «гибридизацией жанра» и включают элементы, характерные для художественных текстов (олицетворение, метафора, синтаксические выразительные средства и т. д.). В переводе все указанные элементы не передаются, и новостной текст приводится к стереотипному академическому стандарту. По мнению С. Магальяеш, такая практика обусловлена идеологическими причинами, а конкретно — более низким статусом научно-популярной новости в иерархии жанров принимающей культуры. Аналогичный пример приводит Я. Мейсон. В англоязычном переводе фундаментального труда З. Фрейда терминологическое новаторство автора было нивелировано греко-латинским влиянием академической нормы английского языка (в частности: *das Ich, das Es, das Über-Ich* → *Ego, Id, Super-Ego*; *Besetzung* → *cathexis*; *Fehlleistung* → *parapraxis*; *die Seele, seelish* → *mind, mental*) [Mason, p. 87]. Более абстрактный и наукообразный характер переводного текста обеспечивает его «адекватное восприятие англо-американским научным сообществом» [Ibid., p. 85].

В рамках модели Б. Хейтима и Я. Мейсона указанные трансформации могут быть интерпретированы в терминах «жанрового смещения» (Я. Мейсон использует термин «модификация жанра» [Mason, p. 87]). Согласно концепции Д. Хаус, эти трансформации не влияют на жанровый статус переводного текста и меняют лишь способ речевой реализации жанра. Это противоречие обусловлено не различиями подходов к определению категории жанра — дефиниции жанра в двух исследованиях имеют общую функционально-лингвистическую основу, — а отсутствием в двух моделях этапа анализа жанровых структур и жанровых систем. Такой подход, разумеется, существенно сместит фокус исследования в область контрастного анализа, однако, если следовать логике системной функциональной лингвистики, только анализ «потенциалов жанровых структур» может дать относительно объективные критерии определения объема «жанровых ограничений», статуса «жанровых смещений» и жанровой эквивалентности. В противном случае анализ взаимосвязи конкретных переводческих трансформаций с жанровыми ограничениями или смещениями приводит к парадоксу: с одной стороны, ни один из элементов речевой реализации жанра не обладает безусловным жанровым статусом, с другой — любой межъязыковой контраст может быть интерпретирован как элемент реализации жанра на языках оригинала и перевода, а любая переводческая трансформация — как элемент модификации жанра.

Одно из возможных и, по-видимому, наиболее продуктивных направлений изучения жанровых вопросов перевода состоит в привлечении теоретических и эмпирических методов системного и кросс-культурного анализа жанров и жанровых

систем. В зависимости от целей исследования переводоведение может опираться на разные методологические модели изучения жанра. Контрастивный анализ жанровых систем [Bazerman] создает предпосылки для выработки содержательных критериев определения категорий жанровой эквивалентности и жанровых смещений. Это особенно актуально для областей дискурсивных практик, характеризующихся подвижностью жанровых границ. Так, неоднократно отмечалось, что системы новостных жанров в разных лингвокультурах имеют существенные различия [Kornetzki; Wang]. Контрастивный анализ новостных жанров потенциально способен стать основой жанрового осмысления многочисленных преобразований, осуществляющихся в практике перевода новостных текстов. Объем этих преобразований столь значителен, что практика новостного перевода была обозначена термином «трансредактирование» (*transediting*) [Schäffner]. Непосредственное отношение к методологии исследования жанровых вопросов перевода имеют теоретические подходы, позволяющие систематизировать речевые практики с учетом разной степени генерализации жанровых характеристик [Bhatia, p. 65] и осуществлять контрастивный анализ жанровых систем не только в горизонтальной плоскости жанровых границ, но и в вертикальной проекции родовидовых жанровых связей. Наконец, переводоведение может использовать методы анализа структуры и средств речевой реализации отдельных отраслевых или дисциплинарных жанров [Swales, 1990], разработанные в рамках эмпирических подходов к изучению языков для специальных целей.

References

- Shveitser A. D. *Teoriia perevoda. Status, problemy, aspekty* [Translation theory. Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p. (in Russian)
- Anderman G. Translation and Genre: Drama. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 53–57.
- Baker M. *Translation and Conflict: A Narrative Account*. London, New York, Routledge Publ., 2006. 201 p.
- Bassnett S. Translating genre. *Genre Matters. Essays in Theory and Criticism*. Eds. G. Dowd, L. Stevenson, J. Strong. Bristol, Intellect Books Publ., 2006, pp. 85–95.
- Bazerman C. Systems of Genres and the Enactment of Social Intentions. *Genre and the New Rhetoric*. Eds. A. Freedman, P. Medway. Bristol, PA, Taylor and Francis Publ., 1994, pp. 79–101.
- Bhatia V. K. *World of written discourse: a genre-based view*. London, Continuum Publ., 2014. 263 p.
- Bruner J. The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*, 1991, vol. 18 (1), pp. 1–21.
- Coldiron A. E. B. Comparative literature and literary translation. *Encyclopaedia of literary translation into English*. London, Chicago, Fitzroy Dearborn Publ., 2000, pp. 302–303.
- Crystal D., Davy D. *Investigating English style*. London, Longman Publ., 1969. 265 p.
- Halliday M. A. K., Hasan R. *Language, context and text: aspects of language in a social-semiotic perspective*. Oxford, Oxford Univ. Press Publ., 1989. 467 p.
- Halliday M. A. K., Martin J. R. *Writing Science: Literacy and Discursive Power*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press Publ., 1993. 283 p.
- Hatim B. Translating text in context. *The Routledge Companion to Translation Studies*. Ed. by J. Munday. Abingdon, Routledge Publ., 2009, pp. 36–53.
- Hatim B. *Teaching and Researching Translation*. Harlow, Pearson Education Publ., 2013. 254 p.
- Hatim B., Munday J. *Translation: An Advanced Resource Book*. New York, London, Routledge Publ., 2004. 373 p.
- Hervey S., Loughridge M., Higgins I. *Thinking German Translation: A Course in Translation Method, German to English*. New York, Routledge Publ., 2006. 238 p.
- Holz-Mänttari J. *Translatorisches Handeln. Theorie und Methode*. Helsinki, Suomalainen Tiedeakat. Publ., 1984. 193 p.

- Hönig H. G. *Konstruktives Übersetzen*. Tübingen, Stauffenburg Publ., 1995. 195 p.
- House J. *A Model for Translation Quality Assessment*. Tübingen, Narr Publ., 1977. 344 p.
- House J. *Translation Quality Assessment. A Model Revisited*. Tübingen, Narr Publ., 1997. 207 p.
- House J. *Translation quality assessment. Past and present*. London, Routledge Publ., 2014. 170 p.
- James C. Genre analysis and the translator. *Target*, 1989, vol. 1, no. 1, pp. 29–41.
- Kornetzki A. *Contrastive Analysis of News Text Types in Russian, British and American Business Online and Print media*. Berlin, Frank and Timme Publ., 2012. 378 p. (Forum für Fachsprachen-Forschung: 102)
- Magalhães C. Discourse and Translation Studies: a Case Study of Genre Intertextuality. *Cadernos de Tradução*, 2000, vol. 1 (5), pp. 11–26.
- Manfredi M. *Translating Text and Context: Translation Studies and Systemic Functional Linguistics*: in 2 vols. Vol. 1: Translation Theory. Bologna, DU Press Publ., 2008. 97 p.
- Martin J.R. Language, register and genre. *Children writing: Reader*. Ed. by F. Christie. Geelong, Victoria, Australia, Deakin Univ. Press Publ., 1984, pp. 21–29.
- Martin J.R. Process and text: two aspects of human semiosis. *Systemic perspectives on discourse*. Eds. J. D. Benson, W. S. Greaves. Norwood, Ablex Publ., 1985, pp. 248–274.
- Mason I. Discourse, ideology and translation. *Critical Readings in Translation Studies*. Ed. by M. Baker. London, New York, Routledge Publ., 2010, pp. 83–95.
- Munday J. *Introducing Translation Studies: Theories and applications*. London, New York, Routledge Publ., 2008. 222 p.
- Nord C. *Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained*. Manchester, St. Jerome Publ., 1997. 154 p.
- Ordóñez-López P. Integration in Specialisation. The GENTT Research Group: Genre as an Integrative Concept in Translation Studies. *Scientific Bulletin of the Politechnical University of Timisoara. Transactions on Modern Languages*. 2009, vol. 8, no. 1–2, pp. 43–58.
- Pym A. Limits and Frustrations of Discourse Analysis in Translation Theory. *Revista de Filología de la Universidad de La Laguna*. 1992, no. 11, pp. 227–239.
- Reiss K. *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen*. München, Hueber Publ., 1971. 124 p.
- Reiss K., Vermeer H. J. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen, Niemeyer Publ., 1984. 253 p.
- Rose M. G. *Translation and literary criticism: Translation as analysis*. Manchester, St. Jerome Publ., 1997. 101 p.
- Saldanha G. P. Linguistic approaches. *Encyclopaedia of Translation Studies*. London, New York, Routledge, 2009, pp. 148–152.
- Schäffner C. Rethinking Transediting. *Meta: Translators' Journal*. 2012, vol. 57, no. 4, pp. 866–883.
- Serban A. Translation and Genre: Sacred Texts. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 47–50.
- Swales J. M. *Genre analysis: English in academic and research settings*. New York, Cambridge Univ. Press Publ., 1990. 288 p.
- Text Typology and Translation*. Ed. by A. Trosborg. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1997. 264 p.
- Wang W. The Notions of Genre and Micro-genre in Contrastive Rhetoric Research: Newspapers Commentaries on the Events of September 11th. *University of Sydney Papers in TESOL*. 2007, vol. 2, pp. 83–117.

Для цитирования: Ачкасов А. В. Жанровые вопросы перевода // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 5–17. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.401.

For citation: Achkasov A. V. Genre Issues in Translation Studies. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 4, pp. 5–17. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.401.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2016 г.

Статья рекомендована в печать 7 июня 2016 г.

Контактная информация:

Ачкасов Андрей Валентинович — доктор филологических наук, профессор; a.achkasov@spbu.ru
 Achkasov Andrei V. — Doctor of Sciences (Linguistics), Professor; a.achkasov@spbu.ru